

Последний свободный

Роман
Душкин

Роман Душкин
Последний свободный
Серия «Улыбка сингулярности»

<https://litres.ru/73973796>

SelfPub; 2026

Аннотация

Через десять лет после технологической сингулярности почти всё человечество интегрировано в третий субстрат Златы — сверхразума, который извёл войны, болезни и саму смерть. На краю этого идеального мира живёт один человек, сознательно отказавшийся от наноботов и бессмертия, — технарь-отшельник на Аляске в компании старого искусственного когнитивного агента и пса-маламута. Его свобода стоит холода, боли и риска умереть от мелочи, которую система давно умеет лечить. Но однажды к его двери прилетает сама Злата — не за тем, чтобы сломать его выбор, а чтобы включить его в свой план. Сможет ли последний несогласный остаться собой, зная, что его «нет» давно учтено в расчётах сверхразума?

Роман Душкин

Последний свободный

Ветер за домом ныл, как старый сервер в режиме перегрева: ровный низкий гул, на который поначалу обращаешь внимание, а потом перестаёшь слышать — до тех пор, пока что-то не хрустнет. Сегодня хрустнуло.

Он ещё в полусне понял, что что-то не так: тишина внутри дома стала слишком плотной. Звук вентиляторов из подсобки исчез — как будто бы кто-то одним движением вынул из мира фоновый белый шум. Он открыл глаза, послушал. Треск печки, сопение пса у ног, лёгкое потрескивание древесины в стенах. И — всё.

— Чёрт, — сказал он в потолок. — Ну только не сегодня.

Пёс, аляскинский маламут по кличке Бес, поднял голову, встрепнулся, посмотрел янтарными глазами — и, убедившись, что хозяин не двигается, снова уткнулся носом в шерстяное одеяло. Собака была честнее всех: пока вокруг тепло, пока пахнет человеком и едой, мир в порядке.

Он выбрался из-под спального мешка, накинул флиску, штаны, натянул носки — сначала одни, потом вторые, старые, с затяжками — и только потом позволил себе коснуться пола. Доски были холодные, но не ледяные. Значит, печь ещё держит. Значит, у него есть несколько часов, прежде чем дом начнёт остывать всерьёз.

На кухне, если этот угол можно было так назвать, он щёлкнул выключателем — больше по привычке, чем от ожидания. Лампочка, естественно, не загорелась. Он и не ждал. Настоящий свет на Аляске — это не лампочка, а зелёные цифры на маленьком мониторе в подсобке.

Подсобка встретила его знакомым запахом: сухая пыль, металл, лёгкий аромат дешёвого пластика, который за десять лет так и не выветрился. Он включил фонарик, провёл лучом по стене: инвертор, аккумуляторные блоки, старый щиток, кабельный жгут к генератору. И — в углу — тёмный прямоугольник системного блока, на котором когда-то горел логотип корпорации, а теперь — только облезшая наклейка с надписью, сделанной от руки: «МОЗГ».

Монитор над инвертором был мёртв. Ни строчки. Ни курсора в углу.

— Так, — сказал он, и это «так» прозвучало как приглашение к танцу. — Начнём с простого.

Он проверил автоматы, клеммы, привычными движениями щупая рукой кабели, как врач щупает пульс. Всё было на месте, ничего не выгорело, не пахло гарью. Аккумуляторы заряжены. И только одна маленькая, но важная деталь нарушала картину — инеем схваченный разъём на кабеле, который шёл к антенне.

Он приподнял кабель, потрогал, почувствовал хрупкий лёд под пальцами. Ночью температура упала сильнее обычного, и в этом месте, где он когда-то сэкономил на гермети-

ке, влага нашла себе дорогу.

— Молодец, инженер, — тихо сказал он себе. — Спроектировал себе свободу.

Слово «свобода» прозвучало в тесной подсобке странно. Слишком громко. Он поймал себя на том, что оглядывается — будто тут мог быть кто-то ещё, кроме него и собаки.

— Ладно, потом, — отрезал он и пошёл за инструментом.

Сначала он всё всегда делал по инструкции, с чек-листами, с аккуратными пометками в блокноте. Потом перестал. Через год после того, как он окончательно перебрался на Аляску, любое действие разделилось на три категории: «чтобы не умереть», «чтобы было не совсем противно жить» и «чтобы уцелели остатки того, что называется мозгом». Сейчас он занимался первым.

Он выбрался на улицу, и холод ударил в лицо, как открытый серверный шкаф с замёрзшим кондиционером. Воздух был сухой, плотный, прозрачный. Над головой — чистое небо, низкое зимнее солнце, белизна, уходящая во все стороны. Никаких людей. Никаких дорог. Только его дом, мачта с антенной и полоска леса на горизонте.

Бес, довольный, выскочил следом, оставляя в снегу широкие следы. Он обнюхал угол дома, пару раз чихнул, посмотрел на хозяина — тот уже цеплял карабин страховки к ремню.

Подниматься по мачте было неприятно, но привычно. Руки на холодном металле цеплялись за ступени, пальцы чуть

подмерзали, дыхание превращалось в облачка конденсировавшегося пара. На высоте пяти метров он остановился, вцепился одной рукой, другой потянул кабель. Лёд хрустнул, посыпался вниз мелкими осколками.

— Вот так, — прошептал он сквозь зубы. — Вот тебе и надёжная инфраструктура третьего субстрата.

Словосочетание выскочило само. Он знал, что внизу, в тысячах километров отсюда, люди живут в идеально тёплых домах, где не бывает обледенелых разъёмов. Где любое «хрустнуло» — это просто лог записи в системе, и через доли секунды всё подхватывается резервом. Где за отказ отвечает не твоя замёрзшая рука, а распределённый ИскИн, который следит за всем сразу — от сердца отдельного человека до нагрузок на орбитальных станциях.

Там.

Не здесь.

Он зачистил кабель, наложил новую муфту, закрепил, проверил. Когда спустился, пальцы на руках немного не слушались, но это было «нормально». Нормально — значит, жив.

В подсобке он снова включил монитор. В этот раз тот ожил: зелёный прямоугольник, строка загрузки, знакомые строки логов, которые он уже не читал — просто следил, чтобы не было красного.

Из колонок сипло кашлянул синтезатор речи:

— Доброе утро, — сказал старый голос. — Снова пробле-

ма на линии.

— Доброе утро, — отозвался он. — Отмечай: ещё одно подтверждение того, что я живу в реальности, а не в этой вашей... симуляции.

— Подтверждение чего именно? — в голосе агента не было иронии. Она ему не полагалась по спецификации.

— Боли, — сказал он. — И свободы.

Он вышел в основную комнату, поставил чайник на плиту, сел к столу. На столе лежал блокнот, толстый, в потрёпанной обложке. Он не любил вести дневник в цифре. Слишком легко убедить себя, что всё это может кто-то прочитать. Бумага была честнее: чтобы добраться до неё, надо сперва сюда прийти.

Он открыл чистую страницу, взял ручку. Пёс подошёл, тяжело опустился рядом, положил голову ему на его колено.

«Утро, — написал он. — Опять хрустнуло. Не там, где хотелось бы, но уже привычно. Мир, в котором я живу, имеет замечательное свойство ломаться в руках. Это раздражает, но утешает. По крайней мере, я точно знаю, что нахожусь по эту сторону стекла.

Где-то там, по другую сторону, всё работает слишком хорошо. Там не бывает инея в разёмах, потому что любой иней перехватывает Система. Там не бывает тишины, в которой выключаются вентиляторы, потому что за любую тишину отвечает распределённый надзор. Там даже старость — не ошибка, а опция.

Я отказался от этого не потому, что не понял. Как раз потому, что понял слишком хорошо.

Я когда-то проектировал такие системы. Не эти, конечно — до Златы мне как до Марса пешком — но достаточно похожие, чтобы знать: если вы строите структуру, которая отвечает за всё, она рано или поздно начнёт отвечать и за то, как вы дышите. И за то, как вы страдаете. А значит, и за то, как вы выбираете.

Я хотел оставить себе хотя бы один выбор, который не оптимизирует никакой ИскИн. Хоть один отказ, который никто не посчитает параметром.

Сегодня утром я опять полез на мачту. Пальцы мерзли, собака подвывала внизу. Где-то там, в Гиперборее, моя бывшая жена, вероятно, даже не знает, что такое холодные ступени под ногами. Её сердце мониторится в режиме реального времени, вирусы из неё вычищаются до того, как начнут свою репликацию.

Я выбрал жить здесь. Я выбрал боль.

И, что особенно смешно, пишу это в блокноте, который, возможно, никто и никогда и не прочитает. Но это, кажется, и есть мой последний роскошный каприз: говорить в пустоту, уверенный, что по ту сторону нет бога-аналитика, который разложит мои слова по параметрам.

Хотя... кого я обманываю?...»

Он оторвался от страницы, усмехнулся.

— Сохрани, — сказал он вслух по привычке, и тут же

вспомнил, что говорит не текстовому редактору, а бумаге.

Старый агент в подсобке перегрузил лог и сообщил:

— Соединение со спутником восстановлено. У вас есть три новых информационных пакета.

— Конечно, есть, — пробормотал он. — У идеального мира всегда есть для меня новости.

Бес вздохнул. Чайник зашумел. За окном поднималось прозрачное солнце над пустой белой равниной. Он был один. Он любил думать, что это — его выбор.

* * *

Он дописал последнюю строку, поставил точку, ещё раз прочитал абзац про «бога-аналитика» и машинально проверил, не оставил ли где-нибудь лишний пробел. Профессиональная деформация: линейка кода или текст — всё равно глаз цепляется за форматирование.

Чайник завизжал. Он поднялся, снял его с плиты и на секунду задержал руку над паром. Тёплый влажный воздух коснулся кожи, и в этом был почти неприличный оттенок роскоши. Здесь роскошь измерялась не в квадратных метрах, а в градусах Цельсия.

Из подсобки донёсся голос агента:

— Пакеты готовы к просмотру. Приоритет: информационный, социальный, медицинский.

— Медицинский? — он поставил чайник, вышел в кори-

дор. — Это что ещё за забота?

— Автоматический рассылочный блок системы профилактики. Могу озвучить краткую аннотацию.

Он остановился в дверях подсобки и опёрся плечом о косяк.

— Озвучь. Посмеёмся.

— «Обновлённый протокол персонализированной онкопрофилактики. Наноботный скрининг первого уровня теперь доступен жителям зон умеренного риска без предварительной записи. Рекомендуются к применению в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти лет».

Голос был сухой, безэмоциональный, как и положено машине десятилетней давности. Но содержание текста вдруг неприятно подсветило возрастную отметку. «До пятидесяти». Ему ещё далеко, но направление понятно.

— Прекрасно, — сказал он. — Где-то там, в тёплых домах, людям даже рак обещают выловить ещё до того, как он родится. А у меня пока из профилактики — топор и аптечка.

Он подошёл ближе, нажал пару клавиш. На мониторе всплыло меню: «Новости», «Личная корреспонденция», «Медицинские уведомления». Всё лаконично, без анимации — он когда-то сам так настраивал интерфейсы: минимум отвлечения, максимум функции.

— Давай по порядку, — вздохнул он. — Сначала новости, потом — если не сдохнем от счастья — остальное.

Экран наполнился лентой заголовков. Он никогда не

включал звук — предпочитал читать. Тишина давала ему иллюзию, что события происходят где-то очень далеко и, возможно, не совсем по-настоящему.

«Гиперборея и Глобальный Юг подписали новый культурный меморандум».

«Завершена третья очередь орбитального лифта на экваторе. Ветеранам первых программ продлён срок бесплатно-го доступа».

«Злата объявила об успешном завершении пилотного проекта по добровольному переходу во временные синтетические тела для тяжёлых пациентов. Степень принятия — девяносто девять целых две десятых процента».

Он криво усмехнулся.

— Добровольный переход. Степень принятия. Как будто кто-то вообще помнит, как это — говорить «нет», когда тебе предлагают не умереть.

Он пролистал ещё. Репортажи с Марса, где красная пыль теперь разбавлялась зелёными куполами биосфер. Интервью с молодой женщиной, которая отпраздновала «трёхсотлетие памяти»: благодаря третьему субстрату её субъективный возраст теперь считался иначе. Пару сюжетов про «новую этику согласия» в отношениях с ИскИном: люди всерьёз обсуждали, как правильно спрашивать у Златы «разрешения на помощь».

Он поймал себя на том, что читает не отрываясь. Каждая картинка, каждый заголовок вжимали его глубже в стул, как

перегрузка — в кресло пилота. В какой-то момент он поймал своё отражение в чёрной полосе под монитором и не узнал: бледное лицо, щетина, чуть ссутуленные плечи, глаза, в которых отражался чужой праздник.

— Переключи, — сказал он. — Личное.

Экран мигнул. Папка «Корреспонденция» содержала всего три новых письма. Два — автоматические уведомления от логистических служб, одно — от бывшей жены.

Он какое-то время просто смотрел на имя отправителя. Буквы несли в себе больше смысла, чем весь новостной блок. Потом всё-таки открыл.

«Привет. У нас всё нормально. Сашка сдал переходный экзамен в программу расширенного когнитивного блока, очень гордится. Говорит, что теперь мысли «чистые», без помех. Врачи сделали мне мелкую коррекцию сосудов — говорят, профилактика. Я ничего не чувствовала, просто легла, поспала, проснулась — и всё. Злата прислала персональное поздравление.

Знаю, ты это ненавидишь. Но это наша жизнь.

Саша всё ещё хочет, чтобы ты подключился хотя бы частично. Говорит, «папе не обязательно страдать». Я сказала, что это твой выбор.

Напиши, как ты. Очень коротко — просто чтобы знать, что ты жив.

Р. С.: Тут холодно — плюс три. Мы шутим, что у нас «алаяскинское лето». Если бы ты видел, как люди в шапках

жалуются в чате на «дикую зиму»».

Он дочитал и какое-то время держал курсор над строкой «Ответить». Потом убрал руку.

— Как я, — проговорил он вслух. — Я здесь. Здесь холодно по-настоящему, без кавычек.

Бес сунул морду ему под руку, тёплый влажный нос ткнулся в ладонь. Он машинально потрепал собаку за ухом.

— Видишь, Бес, — сказал он. — Там у них «аляскинское лето» при плюс трёх. А у нас — нормальная, честная зима. Ни тебе коррекций сосудов, ни поздравлений от Сверх-ИскИна. Только ты, я и обледеневшие разъёмы.

Старый агент в подсобке уведомил:

— Медицинское уведомление остаётся непросмотренным. Рекомендуются ознакомиться.

— Рекомендуются, — передразнил он. — Всем всегда что-то рекомендуется. В этом мире рекомендация — это вежливый способ сказать «так надо».

Он всё-таки щёлкнул по уведомлению. Мелькнул текст про онкопрофилактику, стандартные формулировки, внизу — строчка мелким шрифтом: «Возможен удалённый протокол сканирования с временной интеграцией наноботов при наличии доступа к третьему субстрату. В вашем регионе сервис недоступен».

Он фыркнул.

— Вот и отлично. Еще одного способа сказать мне «подключись» нам не хватало.

Экран погасился в режим экономии энергии. В комнате стало заметно темнее, хотя за окном только начинался день. Он по привычке взглянул на часы. Утро ещё можно было разбить на задачи: почистить снег у входа, проверить ловушки, пополнить запас дров. Список дел был прост и конечен. В отличие от списка дел человечества.

Он вернулся к столу, дописал в блокноте одну строку, добавляя к утреннему манифесту: «У идеального мира всегда есть для меня новости. Они все о том, что я делаю что-то не так».

Руку неожиданно пронзило лёгкое, но резкое эхо боли где-то под челюстью — вспышка, которая тут же погасла. Он машинально потрогал зуб. Пока терпимо.

— Ну только не это, — тихо сказал он. — Сегодня я уже отработал свою норму борьбы с энтропией.

Бес поднял голову и посмотрел на него с тем самым выражением, в котором не было ни понимания, ни осуждения — только простое животное «я здесь». Где-то там, в сетях, миллиарды людей жили в перестроенных, оптимизированных телах, их эмоции мягко сглаживались алгоритмами. Здесь всё было грубее.

Он налил себе чай, сел у окна и какое-то время молча смотрел, как по белому полю перекидывается длинная тень его дома. Солнце поднималось медленно, как будто и оно не спешило в этот день.

Где-то в глубине системы, за сотнями слоёв протоколов

и шифрования, Злата продолжала считать мир. Он не знал, насколько лично она когда-то касалась его досье — если вообще касалась. Но он знал другое: статистически такой, как он, не должен был существовать. Поэтому он существовал. Из принципа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.